

Библиография

Бурыкин А.А. Современная русская система терминов родства и свойства: материал, лингвистическая и этнографическая проблематика // Алгебра родства. Вып. 12. СПб., 2009.

Попов В.А., Бурыкин А.А. Актуальные проблемы изучения современной русской системы терминов родства // Радловский сборник. Научные исследования и научные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008.

Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или энциклопедия русского быта XIX века. М., 2006.

Н.Г. Голант

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В БАЛЛАДАХ О СТРОИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ КАРПАТО-БАЛКАНСКОГО РЕГИОНА)

Баллада о строительной жертве распространена в Карпато-Балканском регионе необычайно широко. Известны ее варианты на новогреческом, албанском, румынском, арумьнском, болгарском, сербском, венгерском языках, а также на балканских диалектах цыганского языка (в частности на кэлдэрарском) [Иванов 2003: 422–436]. Баллада изучалась такими известными исследователями, как Л. Шэйняну, П. Караман, М. Элиаде, А. Фоки, И. Талош, М. Арнаудов, Дж. Коккьяра, Г. Мегас, В.М. Гацак и др.

Инвариантным для этой баллады является мотив человеческого жертвоприношения, совершаемого ради благополучного окончания строительства. В текстах баллады речь может идти о строительстве монастыря или церкви (в ряде румынских, цыганском кэлдэрарском и некоторых албанских вариантах), крепости или городской стены (в албанских, сербохорватских и некоторых болгарских вариантах) или моста (в новогреческих, арумьнских, болгарских и одном из цыганских вариантов с территории Болгарии). Часто сообщаются конкретные названия мест, где было начато строительство¹. Работа не ладится: то, что построено днем, ночью рушится, и так продолжается в течение многих дней или даже лет. Строители и самый искусный из них — мастер, которого могут звать Маноле, Маноилэ, Миклэуш, Симиник, Петре, Константин (рум.)², Маноил (болг.), Яни (греч.) — думают, как помочь делу.

Способ решить проблему бывает найден этим искуснейшим мастером (в ряде румынских вариантов), приходит во сне (во многих румынских, болгарских и сербохорватских вариантах), сообщается птицей (в арумьнском и греческих вариантах), святым (в албанском варианте) и др. [Taloş 1997; Balade 1997: 237–240; Иванов 2003: 422–436; Греческие... 1957: 126–128; Старинные... 1958: 217–220].

¹ В ряде румынских вариантов, зафиксированных в Трансильвании, не приводится никаких сведений о том, что и где строят мастера [Taloş 1997].

² Имена Миклэуш, Симиник, Петре и Константин встречаются в трансильванских вариантах баллады [Taloş 1997: 3–167].

Решением проблемы всегда оказывается человеческое жертвоприношение. В качестве жертвы может быть выбрана жена¹ одного из мастеров — та, что первой принесет еду мужу или брату (румынские, венгерские, сербохорватские варианты)², жена главного мастера (один из новогреческих вариантов), жена младшего из трех братьев-мастеров (арумынский вариант) или жена младшего из трех братьев-заказчиков (сербохорватский вариант, записанный В. Караджичем)³ [Иванов 2003: 422–436; Taloş 1997; Balade 1997: 237–240; Греческие... 1957: 126–128; Песни... 1976: 771–776].

В некоторых вариантах баллады фигурирует имя женщины, которой так или иначе выпадает участь быть принесенной в жертву. В румынских вариантах жену мастера могут звать Ана, Ильяна, Мария, Замфира, София, Вилоая⁴ [Alexsandri 1998: 156–164; Taloş 1997: 15, 111, 115–118, 128–129, 165–167, 316–322]. Имя *Мария* (*Марийка*) встречается и в болгарских вариантах баллады о строительной жертве [Арнаудов 1969: 683–684]. В некоторых греческих вариантах (баллада «Артский мост») жену мастера, которую приносят в жертву, зовут Марудия [Taloş 1997: XXI].

В тех вариантах баллады, где в качестве жертвы выбрана женщина, которая первой принесет обед своему мужу, часто говорится о том, что все мастера, кроме главного героя, нарушили клятву и рассказали своим женам об этом уговоре, и наутро пришла лишь жена главного героя, которая ничего не знала. Главный герой, однако, тоже пытается уберечь свою жену от участи быть замурованной. В румынских вариантах баллады мастер просит бога преградить путь его жене, заставить ее вернуться домой. Бог хочет ему помочь и вызывает ураган, дождь и наводнение, зажигает на дороге огонь, преграждает женщине дорогу колючим кустарником, посылает ей навстречу волка, змею, волшебного змея, быка, но женщина упорно продолжает путь. Согласно некоторым текстам, жена мастера несколько раз роняет еду на землю, возвращается домой, снова готовит обед и снова отправляется в путь. В некоторых вариантах баллады муж, уходя утром из дома, просит жену не торопиться с обедом, но она не слышит его слов. В одном из вариантов, записанных в округе Хунедоара (южная Трансильвания), мастер Маноле просит жену приготовить ему на обед мясо белого бычка, который потерялся год назад, и жена находит этого бычка, режет его, готовит обед и несет его мужу [Ibid: 143–146].

В варианте из округа Фэгэраш (Мунтения) Маноле, увидев спешащую к нему жену, пытается знаками показать, что ей надо уходить, но она не понимает его знаков [Balade 1997: 222–237]. В венгерском варианте из округа Хунедоара (Трансильвания) бог по просьбе мастера Маноле посылает навстречу его жене

¹ В некоторых текстах встречается вариант «жена или сестра» [Taloş 1997: 85, 308, 311, 441 etc.].

² Согласно ряду румынских вариантов, мастера-каменщики являются родными братьями [Taloş 1997: 77–83, 85].

³ В фольклоре мусульман Боснии и Герцеговины мы находим редкий вариант баллады, где говорится о принесении в жертву мальчика [Песни... 1976: 378–379].

⁴ Имя жены мастера *Ильяна* (рум. вариант имени Елена) коррелирует с именем мастера *Константин*, а имя *Мария* — с именем *Петре*. Эти две пары имен встречаются в вариантах из Трансильвании [Taloş 1997: 111, 115–118, 128–129].

волка и змею, затем зажигает на ее пути огонь, она трижды опрокидывает посуду с обедом, но каждый раз, вернувшись домой, готовит новый обед и, наконец, приносит его мужу [Taloş 1997: 161–164]. В цыганском кэлдэрарском варианте бог по просьбе мастера также посылает навстречу женщине волка и змею, чтобы заставить ее вернуться домой, но она, несмотря ни на что, продолжает путь [Иванов 2003: 422–436].

В болгарской балладе о мастере Маноиле, записанной в Тырновском округе, Маноил велел своей жене, Марийке, просеять девять мешков пшеницы и смолоть их на мельнице, выбелить дом, искупать сыновей-близнецов, приготовить обед и принести его, но не торопиться в пути... Марийка выполнила все поручения и отправилась в путь. Когда она вышла в поле, налетел ветер и засыпал еду пылью. Марийка вернулась домой, приготовила новый обед и снова отправилась в путь. Когда она вышла из села, начался дождь, вода поднялась ей по пояс, потому что Бог хотел спасти Марийку, но она упорно шла навстречу своей гибели [Арнаудов 1969: 683–684].

Согласно большинству румынских вариантов баллады, женщина, которую муж ставит на леса и начинает замуровывать в стену, поначалу воспринимает это как шутку, игру [Taloş 1997: 3–7 etc.; Alecsandri 1998: 162; Balade, 1997: 233]. В арумьнском, греческих и некоторых южнославянских вариантах женщина спускается в котлован, куда ее муж якобы уронил кольцо¹, после чего ее замуровывают [Balade 1997: 237–240; Греческие... 1957: 126–128; Песни... 1976: 371–376].

В большинстве вариантов баллады говорится о том, что женщина, которую приносят в жертву, — мать грудного ребенка. Последние слова героини проникнуты заботой о нем. Во многих вариантах — румынских, арумьнском, болгарских, сербохорватских и албанских — героиня просит оставить в стене отверстие, чтобы она могла кормить ребенка грудью. Например, в румынском варианте баллады «Мастер Маноле», зафиксированном в округе Сибиу (Трансильвания), жена Маноле просит оставить в стене отверстие для ее правой руки и левой груди, чтобы она могла ласкать ребенка и давать ему грудь [Taloş 1997: 141–146]. В балладе «Построение Скадра», записанной В. Караджичем от уроженца Черногории, жена Гойко Мрлячевича, которую замуровывают в башне городской стены, просит зодчего Раду оставить ей окошки для груди и глаз, чтобы она могла кормить сына и видеть, как его приносят к ней [Песни... 1976: 376]. В албанском варианте этой баллады, называемом «Розафат», героиня просит оставить в стене отверстия для ее правого глаза, правой груди, правой руки и правой ноги, чтобы она могла видеть своего сына, кормить его, ласкать и качать его колыбель [Старинные... 1958: 217–220].

В ряде румынских вариантов баллады женщина просит мастеров поместить колыбель с ее ребенком на стену, в которую ее замуровывают, чтобы его качал ветер и омывал дождь [Balade 1997: 233; Taloş 1997: 4–6, 111, 150–151 etc.]. В некоторых вариантах героиня просит бога создать из ее ребер или ног клены,

¹ В балладе «Построение Скадра», записанной В. Караджичем от уроженца Черногории, герой якобы уронил золотое яблоко, которое, как и кольцо, являлось символом брака [Песни... 1976: 376].

чтобы на них качался в колыбели ее младенец, как будто его качает мать, и чтобы туда приходили лани или овцы с гор и кормили его молоком. В других вариантах баллады женщина спрашивает у мужа и других мастеров, кто же будет заботиться о ее ребенке, на что ей отвечают, что его будут кормить животные (лани, овцы, коровы, кошка), что его будет омывать дождь, а укачивать ветер, что птицы будут петь ему колыбельную и т.д. [Taloş 1997: 65–66, 71, 437 etc.].

В болгарской балладе о мастере Маноиле, записанной в окрестностях Тырнова, Марийка, которую замуравывают в основании городской стены, просит отпустить ее домой, чтобы она могла последний раз приласкать своих сыновей-близнецов, и обещает вернуться, но мастера остаются глухи к ее мольбам [Арнаутов 1969: 683–684].

Особенностью албанских вариантов баллады о строительной жертве является то, что женщина, обреченная быть замураванной в стену крепости или храма, встречает свою судьбу если не с радостью, то во всяком случае с гордостью. Так, героиня баллады «Розафат» на слова своего мужа: «Выпала тебе горькая участь, // Нам замуравать тебя надо», она отвечает: «Да пойдет тебе это на счастье! // Да пойдет и вам, зятья, на пользу... Пусть мое тело каменеет — // Крепость пребудет неприступной. // Сын мой станет витязем грозным, // Будет в ней законным владыкой!» (перевод А. Адалис) [Старинные... 1958: 217–220; Taloş 1997: XII–XIII].

Греческие и арумьинский варианты баллады о строительной жертве завершаются проклятием, которое произносит женщина, приносимая в жертву. В арумьинской балладе «Артский мост» проклятию предшествует просьба оставить в кладке моста отверстие, через которое женщина могла бы кормить ребенка грудью — просьба, которую мастера игнорируют. Тогда она проклинает мост и мастеров, желая, чтобы река ревела, как ее голодный младенец, чтобы мост дрожал, как дрожит ее тело, чтобы люди, которые будут переходить реку по мосту, падали в воду и тонули, чтобы мастера увидели в жизни столько счастья, сколько на льду травы [Balade 1997: 237–240]. Героиня одноименной греческой баллады тоже закликает мост дрожать или рушиться. В одном из греческих вариантов баллады «Артский мост» женщина закликает мост, чтобы он дрожал, как лист, и проходящие по нему путники падали, как падают листья с деревьев. Ей напоминают, что когда-нибудь через этот мост придется пройти ее брату, который живет на чужбине, и она меняет заклятье — отныне мост должен дрожать только тогда, когда задрожат горы, а путники будут падать в воду тогда, когда «случится падать птицам» [Греческие... 1957: 126–128].

В греческих и арумьинском вариантах баллады о строительной жертве присутствует мотив трех сестер, замураванных при строительстве различных сооружений. Так, в греческой балладе из Нигриты (Македония) говорится о том, что сестер героини, замураванной в опорах моста через Ларсу, также замуравали — одну в Тырнове, а другую в Белграде [Арнаутов 1969: 680–681]. В одном из вариантов баллады «Артский мост» сказано, что старшие сестры героини тоже были замураваны при строительстве мостов — через Дунай и через Евфрат [Там же]. Согласно одноименной арумьинской балладе, старшую из трех сестер замуравали в основание моста через Дунай, среднюю — в основание

моста через Вардар, а младшую (саму героиню баллады) — в основание моста через Арту [Balade 1997: 237–240].

Особенностью греческой баллады «Артский мост» является еще один мотив. Мастер отказывается принести в жертву отца, мать или кого-то из братьев или сестер, потому что других у него никогда не будет, но решается принести в жертву жену, потому что позже сможет найти другую [Taloş 1997: XIII].

Мы сознательно оставляем за рамками данного текста вопрос о том, почему в подавляющем большинстве балканских вариантов баллады о строительной жертве речь идет именно о принесении в жертву молодой женщины (нужно отметить, что этнографические сведения об обрядах, выполнявшихся жителями данного региона при строительстве, дают далеко не столь однозначную картину). Рассмотрение женских образов, выведенных в различных вариантах баллады, позволяет глубже понять их этническую специфику, более четко выделить инвариант и трансформы.

Библиография

- Арнаудов М.* Очерци по българския фолклор. София, 1969. Т. 2.
Иванов Вяч.Вс. Происхождение и трансформации фабулы баллады о мастере Маноле // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003.
Греческие народные песни. М., 1957.
Песни южных славян / Сост. Ю. Смирнов. М., 1976.
Старинные албанские сказания. М., 1958.
- Alecsandri V.* Poezii populare ale românilor. Chişinău, 1998.
Balade populare româneşti (cântece bătrâneşti). Antologie, glosar, bibliografie selectivă şi aprecieri alcătuite de C. Monahu. Bucureşti; Chişinău, 1997.
Taloş I. Meşterul Manole. Bucureşti, 1997.

Е.А. Окладникова

АРХАИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА ТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖНИЦ-ИНДЕАНОК В ЗЕРКАЛЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Целью настоящей статьи является обзор архаической символики, представленной в произведениях современных художников-индейцев Северной Америки, большая часть которых — женщины. Архаическая символика, которую они используют в своем творчестве, с одной стороны, открывает глубины их экологического сознания, а с другой — раскрывает комплекс проблем, связанных с их гендерной идентификацией в мире информационной культуры постмодерна.